

Илья Журбинский

* * *

Амбар моей памяти
прогрызли серые мыши забвения.
На что мне зерно?
Загостился я в прошлом.
Пора возвращаться, где зеркало нужно разбить,
разметать
 ехидные эти осколки,
всё, что не написано – сжечь,
что написано – сжечь,
и погреться ещё у костра,
пока мыши шуршат.

Весеннее

Течёт за окнами апрель.
Течёт, перетекая в май.
Попробуй, ангела поймай –
Он сразу спрячется в купель.

Мне этот ангел ни к чему –
Я сам судьбы своей творец.
Над головой висит Телец,
Альдебараня полутьму.

Весною можно просто так
Ходить по улицам пустым,
Отечества вдыхая дым –
Известный афродизиак.

Растёт трава, цветёт нарцисс,
Летает тополиный пух
И мысли, сказанные вслух,
Не допускают компромисс.

Между миражами

Игорю Пеняеву

Как петляет тропинка жизни.
Любовь и надежда
возникают из ничего
и незаметно исчезают.
Но и горе, и безнадёжность
не более прочны.
Какими изобразит нас судьба в следующем кадре?
Разве угадаешь?
Разве куколка в зимнем одиночестве
может знать,
что ей предстоит стать невесомой бабочкой?
Разве бабочка знает,
зачем она летит на огонь?

* * *

Ну вот уже и лето отцвело.
Перелистнулась августа страница.
Томило ожиданье. Время шло,
И что-нибудь должно было случиться.

Случилась осень. Падал жёлтый лист,
И сны цветные заносило снегом,
И воздух был разрежен и иглист.
Тень облака плыла за мною следом.

Которое столетье вновь и вновь
Такое состояние в природе
Зовут «неразделённая любовь»,
И нет рецепта при любой погоде.

Была прозрачна осень, как стекло.
Пронзительна, протяжна, как цевница.
И было мне так горько, так светло
Страданием как телом насладиться.

Два голоса

Два голоса во мне живут:
Один – для обращенья к Богу,
Другой, гортанный и убогий, –
Обычной жизни атрибут.

Когда к вершинам возношу

Слова надежды и сомненья,
Я, раб земного притяженья,
Не о прощении прошу.

Звенит мой голос, как река,
Как ветер в поле. Крылья птицы
Поют в полёте, и граница
Земли и неба далека.

Но мужественный голос мой
Мне эхо отдаёт слащавым,
Провинциальным и картавым,
Барьер ломая звуковой.

* * *

Вольные звуки в небо стремятся.
В стаи, в слова не хотят собираться.
В строчки не входят, в ритм не влезают,
Не покоряются и ускользают.

Думал – поймал. Но только лишь эхо.
Хруст скорлупы пустого ореха.
Слово прольётся, слово застонет,
Слово в журчащих звуках потонет.

Где вдохновенье терзает поэта,
Там и страдание с ним для дуэта.
Тускло мерцают кристаллы алмаза –
Чудище обло, огромно, чумазо.

66-ой

Как знаки препинания в диктанте,
Давно пора расставить «нет» и «да».
Уже взошли такие холода,
Что и не снились Алигьери Данте.

И мне была божественная роль
Отведена – но только лишь в массовке,
(Сейчас уже сказали бы – «в тусовке»),
Где на миру не смерть красна, но боль.

И что с того, что видеть невтерпёж?
Не замуж, уж... Вот я и созерцаю.
И зубочистку, как копьё, ломаю.
А смерть что звать? Её не обойдёшь.

Когда же мой закончится диктант,
То за спиной появится сержант.

Ветхозаветная история

Высокоинтеллектуальный,
гетеросексуальный
молодой человек
познакомился с девушкой,
её мамой и дедушкой,
строя Ноев ковчег.

Где всех тварей по паре –
там работа в угаре,
а погоды прогноз
ускоряет работу,
нарушает субботу,
углубляет невроз.

Да и девушка тоже
не стремится на ложе,
Носит бронежилет.
Тащат дедушка с мамой
справку от далай-ламы
и партийный билет.

«Здесь вас не стояло!»
«Я забыл одеяло!»
«Мне вот только спросить!»
Не дошло бы до драки
раз хотят вурдалаки
все билеты скупить.

А погода худшает,
а тревога крепчает,
гром небесный гремит.
Ну а девушка что же?
На Лилит не похожа,
явно не из элит.

Ну а девушка с мамой
тычут рентгенограммой,
им – плацкартный билет.
Можно дедушку – в общий.
Старый он и не ропщет,

коль завис интернет.

Ночь. Вода наступает
и ковчег отплывает.
Твари парами спят.
Только Хаму не спится.
Только б Хаму не спиться
В платье длинном до пят.

Памяти Николая Гумилёва

Смешались
 колчаны и копья
 в упругой строфе,
Расселины скал,
 вой шакалов,
 фрегаты флотилий,
И ветер в траве,
 и щербатые стены Бастилий,
И вечный огонь,
 и невечный,
 и туз в рукаве.

Он спит и не спит.
 Предрассветной волной наплывают
Тепло пирамид,

ассирийский подвешенный сад.

А солнце сияет,

и молния в небе сверкает,

То звуки там-тама,

то грома свинцовый раскат.

Он дверь приоткрыл

в это странное неопространство,

Проник в этот мир

штормовых ярко-красных ночей,

Где кружатся карты

загадочного пасьянса,

Где хлопанье крыл

и носатые маски врачей.

* * *

Уйду без посоха в страну,

В которой дышит всё покоем –

Но не гонимым, не изгоем,

Войду в её голубизну.

Здесь все свободны и близки

Друг другу. Время бесконечно

Течёт. Здесь глубока и вечна

Любовь, лишённая тоски.

Так безболезненна она,
Когда минует страх утраты
Лишь облака плывут, кудлаты,
И вверх стремится глубина.

Уйду без посоха в страну,
К которой путь не так уж долог.
Вселенной крохотный осколок,
Как в Лету, кану в тишину.

* * *

Когда над тундрой разгоралась
Кроваво-красная заря,
То солнце низкое казалось
Пустой насмешкой ноября.

Мороз, заснеженные дали,
Олени, сопки, вертолёт...
Шаланды, полные кефали,
Сюда никто не приведёт.

Не мастерил здесь Ной ковчега,
И не слагал Гомер стихов,
Но для
 обозначенья снега
У эскимоса сорок слов.

А ты живёшь в своей столице,

Малевич на стене висит,
Дымится на тарелке шницель,
И время голову кружит.

ЕВРОНТИДА

Сан-Марино — пряжка на сапоге Италии.
Монако — пуговица на платье Франции.
Панамский канал — у Панамы на талии.
Все это — не более чем аберрации.

На платье давно протёрлась дыра.
На сапоге вместо лака резина.
Панама далеко, а Европа с утра
Приветствует обитателей криками муэдзина.

Колумбы рыщут по колумбариям
В поисках потерянной Евронтиды.
Пары цивилизации токсичней бария.
Атланты требуют признать их кариатидами.

Займите очередь за счастливым билетом:
Счастье каждому здесь и сейчас.
Кто окрестил тебя Старым Светом?
Хлопнули пробки и свет погас.

Были ли это шампанского пробки
Или взорвался кто-то неробкий?

* * *

Говорить без умолку о чём-то,
Взгляд потупив, или отведя.
Изрекать банальные экспромты
Под неторопливый стук дождя,
Не боясь того, что ненароком
Сердце, разделённое внутри,
Кровь гоня по суженным протокам,
Выскочит за серое драпри.

* * *

Что-то в памяти вдруг
ненароком мелькнёт,
остановит,
лишит равновесья.

Как на срезе смола,
закипает слеза,
чтобы глазу

в преломленьи лучей,
что блестят над водой,
вдруг увидеть

голубые следы,
и забыться,
и вспомнить,
и снова

всё забыть,
чтобы дальше идти...

* * *

Раздаёт природа подарки:
Акулам – новые зубы,
Змеям – новую кожу,
Медведям – зимнюю спячку.
А когда дошло до человека –
Только годы сменяют годы,
Только думы сменяют думы.

* * *

Когда я гол был, как сокол,
Запутав Ариадны нить,
Я находил такой глагол,
Что заново хотелось жить.
И вот теперь, на склоне лет,
Ищу того глагола след.